

СТЕКЛОДУВ РЕДКАЯ ПРОФЕССИЯ

У Дмитрия Лобзева было трудное детство. Он рос в многодетной семье, и ему рано пришлось повзрослеть, стать помощником в доме. В пятнадцатилетнем возрасте он уже должен был всерьез задуматься о выборе профессии. И он выбрал для себя профессию — однажды и на всю жизнь.

Помог сосед по бараку. Привел его на стеклодувный участок цеха вспомогательных материалов, где сам трудился, показал, как работают стеклодувы: смотри, мол, как тут у нас, думай, по душе ли это тебе, малец. Ему понравилось. Захотелось тоже научиться делать из подвижной тягучей стекломассы стаканы, банки, химические приборы и разные другие нужные людам вещи. Но захотеть-то нетрудно, а вот научиться... Не зря

стеклодувное дело называли искусством.

Далеко не всякий может стать хорошим стеклодувом. Нужно иметь особую чуткость, задатки художника и терпение, и сосредоточенность, а еще — и это, может быть, самое главное — склонность к аккуратности, тщательности во всем, что делаешь. Теперь о Дмитрии Лобзеве любой на участке скажет, что есть в нем все это. Семнадцать лет уж трудится он здесь, время проверило его способности и отшлифовало мастерство. Теперь он и сам видит, что получился из него стеклодув, уверенность в своих силах чувствует, да и убедиться в своей высокой квалификации тоже имел возможность.

Однажды, например, кто-то из работников участка привез с Украины нечто вроде подцветочни-

ка, выполненного в виде медвежонка. Заинтересовался Лобзев безделушкой, решил испытать себя — получится у него такой же или нет. Попробовал — получилось, и лапы вышли, и все остальное. А скажи ему кто-нибудь о том, что со временем ему это будет доступно, тогда — семнадцать лет назад, вряд ли поверил бы. Банки обыкновенной выдувать не мог, даже стекла на трубку не мог толком в печи набрать. Впрочем, с полной беспомощности начинается учение у всякого выдувальщика. Умение обращаться с жидким стеклом приходит с годами, навыки приобретаются путем долгих, непрестанных кропотливых «тренировок». Возможно, поэтому стеклодувы редко изменяют своей профессии.

Труд выдувальщика Дмитрия Лобзева не из

легких. Весь день на ногах, всю смену без конца крути трубку, с помощью которой выдуваются изделия из стекла. А летом у печи — чистое пекло. Жарче, пожалуй, чем мартеновцам, приходится, даже вентиляция мало помогает. Но Лобзев и не помышляет о другой специальности. И дело тут не только в привычке. Можно, скажем, привыкнуть к профессии, но своему сыну не пожелать ее. А Дмитрий был бы непротив, если бы его сын последовал примеру отца. Правда, маловат еще он у него — во семь лет ему. Сейчас он, как и большинство его сверстников, на небо заглядывается, космонавтом мечтает стать. «Но если когда-нибудь сын захочет стать стеклодувом, — говорит Лобзев, — пожалуйста, пусть приходит, научу».

Ю. САШИН.



ПУСТЕЮТ улицы. Темнеют и все более молчаливыми становятся громады домов, то там, то здесь гасит яркий свет в своих многочисленных окнах-глазницах. Город отходит ко сну... А комбинат всегда бодрствует, в любое время года и суток живет полнокровной кипучей жизнью. И, нарушая уличную тишину, пробегают время от времени трамваи. Их путь — через заводской пруд, к проходным. Металлурги едут на ночную вахту.

В вагоне многолюдно. Есть знакомые лица. Приветственный взмах рукой, кивок головой, обмен репликами... Завязываются разговоры. На одной из остановок в вагон вошел молодой сталевар Василий Перевалов. Рослый, хоть сейчас ставь на баскетбольную площадку. На 24-й печи работает.

— Как отдохнул? — спрашиваю.

Ясно, о чем речь: из ночной да снова в ночь — нелегко это.

— Да урвал — говорю, — часика четыре для сна, а остальное время — сам знаешь...

Василий учится в институте. Ну, а какие заботы у студента — многим, наверно, известно и понятно. Сейчас ведь многие учатся.

— На каком курсе сейчас?

— На третьем. Главный перевал еще впереди.

Да, очень непросто это — учиться без отрыва от производства. Но, глядя на Василия, подумалось: «Он из тех, что не боятся трудностей». И фамилия-то подходящая — Перевалов. Приходилось ему слышать от скептиков, и не раз: «К чему тебе учеба? Стал сталеваром, зарабатываешь неплохо — чего еще надо? Дал бы себе волю, отдыхал бы лучше после смены». Но Василий привык жить своим умом и не умеет сложа руки ждать «с не-

ба подавания». Пятнадцать лет он у мартена, а мартен закаляет характер. На работе о нем никто худого слова не скажет. Мастера заявляют так: «Не было еще такого дня, когда бы он показал себя слабым в деле».

ЗАДОЛГО до начала смены появился Василий в цехе, ознакомился с положением на печи. Затем, уже переодетый в робу, отправился на сменную встречу, где как обычно, обсуждались итоги работы за прошедшие сутки, делались пометки

электрической...

Наверное, механики в эту минуту чувствуют себя неловко. У них есть сейчас возможность держаться бункера в рабочем состоянии. Для устранения неполадок отряжен слесарь, есть ответственный бригадир, а вот поди ж ты — подручным по-прежнему приходится своими мускулами заменять хорошие механизмы. Непорядок...

Зачитывается график.

— На какое время берет выпуск плавки 24-я?

— Берусь на час раньше.

трудности эти как пришли, так и уйдут. Во всяком случае сталевары печи № 24, одними из первых в цехе ставшие «обладателями» кислорода, добились уже заметных сдвигов в использовании мощного интенсификатора производства металла. В ноябре, за неполный месяц, они выплавили сверх плана 2500 тонн стали.

ГЛУДИТ двадцать четвертая. Идет плавление металла. Перевалов, находясь у пульта управления, со скрытым беспокойством

НА КОНКУРС

Ночная смена И

на предстоящую смену. Отчитываются мастера и сталевары, разбирают ошибки в работе, чтобы впредь не допускать их.

— У кого какие есть замечания? — спрашивает сталевар Анатолий Дюкарев. Это наш избранный, агитатор. Он в президиуме.

Встают Перевалов.

— Всем известно, — говорит он, — что сейчас, с приходом кислорода, мы варим сталь по 8—9 часов. Это, конечно, хорошо. Но не нравится мне, когда плавки имеют большую разницу в продолжительности. Вот был сейчас на печи и видел на доске, что затянута такая операция, как заправка печи. Да мы печь «обдерем», если будут поддержки с подачей бункера для заправочных машин. А еще хочу сказать, что при заправке порогов надо использовать только механические бункера.

Кто-то в сердцах бросил:

— Да они большую часть времени не работают — эти механические бункера. То по механической части нелады, то по

ше, если не будет поддержки с полировкой, — последовал ответ Василия.

— Не подведешь, Черкасский? — спросил Дюкарев бригадира по подаче шихты.

Тот с улыбкой:

— Урок последней смены учел, постараюсь сделать все возможное и от меня зависящее.

Хлопотные обязанности у бригадира по подаче. Надо обеспечить всеми необходимыми материалами двенадцать мартенов — всем угодить, все подать вовремя. Недовольных нажить — что поздороваться. Но о Леониде Черкасском сталеваре отзываются с похвалой. А в этой похвале — главные его рабочие заслуги.

С тех пор, как в цехе появился технологический кислород, вроде бы даже оживленнее у нас стало. Вообще-то вместе с кислородом пришли и новые трудности — новое никогда не дается просто так, — но режим плавления с использованием кислорода все больше отлаживается; и, надо ду-

смогли бы подготовиться. Шлак сегодня вон как шел, только успевай осаживать. И если бы не подготовились, — залились бы, а кому нужна дурная работа, тем более, если ее можно избежать.

Подождал сам Несветайлов.

— Желоб там сталевапной прирастили. Принеси, Коля, горелки, а я кислородных труб принесу, — распорядился он. — Нужно сушить желоб. Часа через полтора плавка расплавится... Да и наведением порядка на площадке надо бы заняться.

Спокойно так сказал. Как будто не приказ это был, а просто товарищеская просьба.

И ВОТ настали напряженные минуты. Мастер Роман Борисович Радукский дает ребятам команду разделять стальную летку, а машинисту завалочной машины Федору Зуеву — брать хоботом его машины мульд с марганцем. С лиц подручных — пот ручьем.

Сбита пробка, и с летки удаляется раскаленный добела магнетит.

— Дай пику, Коля, — просит Владимир.

Есть! Отличная подготовка и крепкие мускулы двух пар рук решили исход. Не понадобилось кислорода для прожига летки. Пошла сталь! С опережением графика на три часа. Вот так, в обыкновенных рабочих буднях решается судьба планов пятилетки.

— Теперь можно и на отдых, — слышится через некоторое время голос повеселевшего Владимира Несветайлова.

ОНИ идут по заводскому мосту, и их провожает домой утреннее солнце. Оно на восходе такое же багряное, как их сталь в ложницах, направленная прокатчикам.

А. БУРЕ,
подручный сталевара
мартеновской печи
№ 22.

В числе передовиков производства листопрокатного цеха называют машиниста-оператора отделения отделки листа Елену Михайловну ЛЫСЕНКО. Е. М. Лысенко — ударник коммунистического труда.

Фото Н. Нестеренко.

● НАМ ОТВЕЧАЮТ

«ДВА ЦЕХА — ЗАВОТЫ ОБЩИЕ»

Начиная с 15 ноября, железнодорожники ежедневно, кроме выходных дней, подают под погрузку мусора в копровый цех № 1 по 13—15 думпкаров. Такое количество думпкаров обеспечивает вывоз скопившегося мусора. Кроме того, усилены требования и контроль к составительским бригадам в части закрепления тормозных рукавов.

Железнодорожный путь под второй колоннадой бойного отделения копрового цеха № 1 в декабре 1971 года будет отремонтирован, (заменены рельсы и скрепления), а в мае 1972 года этот путь будет отремонтирован капитально.

К. МИШУРОВ,
начальник управления
ЖДТ.

«ВЕСЫ И ПРОИЗВОДСТВО»

В статье «Весы и производство», опубликованной в газете «Магнитогорский металл» 2 ноября, правильно поднят вопрос об актуальности процессов взвешивания с помощью тензометрических и магнитоупругих датчиков.

Для решения этих вопросов привлечены ведущие институты нашей страны.

Работы по автоматизации взвешивания ведутся в ГОП, КХП, доменном цехе, сталеплавильном и прокатном производствах.

Разработанный группой свердловских инженеров датчик и система автоматического взвешивания в ближайшее время будет изучена в целях применения ее в условиях ММК.

А. ЕРЕТНОВ,
и. о. зам. директора
комбината.